

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

РУСЬ
ХТОНИЧЕСКАЯ

ТИМУР СУВОРКИН
ДЕНИС КИЛЕСОВ

ГИГАХРУЩ

АЛИНА ПОТЕХИНА

**НА ДЕРЕВЯННОМ
БЛЮДЕ**

СОФЬЯ МАРКЕЛОВА

**СОЛОМЕННЫЕ
КУКЛЫ**

Продолжение следует...

СОФЬЯ МАРКЕЛОВА

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрации на переплете
и в книжном блоке художницы *Ана Награни*

Маркелова, Софья Сергеевна.
М26 Соломенные куклы / Софья Маркелова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.
ISBN 978-5-04-225912-8

Что, если самый страшный кошмар прячется не в темноте, а на виду?

Молодая пара приезжает на Онежское озеро, надеясь на спокойный отдых, но вместо этого находит странных соломенных кукол. Преподаватель вуза вступает в схватку с потусторонними силами, замурованными в стенах старой аудитории. Маленький мальчик, желая доказать свою смелость, оказывается в ловушке квартиры, где когда-то разыгралась кровавая драма...

Перед вами сборник Софьи Маркеловой, ставший настоящей сенсацией для YouTube-каналов, озвучивающих страшные истории!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225912-8

© Маркелова С., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

Уединённый остров Враный можно было полностью обойти неспешным шагом за два часа. Окаймлённый медно-коричневыми водами Онежского озера, он казался ссохшимся клочком плоти, на котором лишайным пятном раскинулась забытая богом деревня. Небольшое селение стояло у самой пристани, сразу за домами начинались ячменные поля, где кланялись земле полновесные колосья, а на вытянутой оконечности острова ютились руины развалившейся часовни, давно поросшие крапивой и зверобоем.

За три дня пребывания здесь Рома успел изучить каждую былинку и всей душой возненавидел эту обитель скуки и кровососущей мошкары. От местных красот уже сводило зубы, но Вера настойчиво продолжала таскать его на унылые однообразные прогулки.

— Дыши свежим воздухом, любуйся живописными видами! — убеждала Рому супруга, пока они бесцельно слонялись по посёлку под палящим августовским солнцем. — Скоро вернёмся в город, и там ты такого нигде не увидишь!

— Зато в городе есть интернет и безналичный расчёт...

Вера сердито сверкнула на него глазами поверх очков. Это была именно её идея — выбраться в отпуск на один из отдалённых островов Онежского

озера. Она заранее всё продумала, начиная с билетов и заканчивая жильём. Комнату Вера забронировала в аутентичном гостевом доме, единственном на весь остров. Дом был бревенчатым, старым, но ухоженным, его хозяин расхаживал всюду в картузе, жилете и сапогах с лаковыми голенищами, а на завтрак для гостей непременно ставил пузатый самовар. По мнению Веры, только такой отдых мог им надолго запомниться и восстановить душевное спокойствие, давно и безнадёжно уничтоженное городской серостью и вечными тревогами, присущими любому современному человеку.

Но Роме пока отпуск запомнился лишь изнурительной дорогой и тоскливой обстановкой. Когда они на катере добирались от Петрозаводска до острова Враный, Рому укачало и дважды вырвало, а по прибытии в гостевой дом сразу возникли непредвиденные проблемы: туалет стоял на улице, вместо горячей воды был летний душ с баком, а из матраса упорно лезла колючая солома. О каком полноценном отдыхе могла идти речь в таких нечеловеческих условиях?

— Ты смотришь на всё с негативной точки зрения, — упрекнула его жена, провожая взглядом милую девочку, игравшую с деревянной лошадкой у обочины. — Представь, что ты снова в детстве, приехал к бабушке с дедушкой в деревню. Ещё нет никакого интернета, компьютеров и жидкокристаллических телевизоров. Жизнь чудесна в своей простоте! Можно весь день купаться, валяться на солнце и есть малину с куста...

Вера мечтательно облизала губы и улыбнулась собственным воспоминаниям. Рома же лишь безразлично почесал локоть, куда его только что укусил

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

комар, и мысленно посчитал дни до отбытия. Оставалось продержаться ещё четверо суток. Немало.

— В следующем году место для отпуска выбираю я.

Вера молча проглотила скрытый упрёк. Его выбор был для неё очевиден: пятизвёздочный отель на берегу моря, и чтобы непременно со шведским столом и неограниченным интернетом.

Впереди показалась старенькая деревенская пристань. У потемневших от времени свай на волнах покачивались привязанные рыбацкие лодки, то и дело мягко стучаясь бортами. Вера с Ромой прошли до конца дощатого пирса и сели на самом краю. Скинув обувь, они опустили ноги в воду, нагретую солнечным зноем.

— Да ты только погляди на эти пейзажи, — со вздохом восхищения произнесла Вера, заправляя за ухо непокорную прядь светлых волос. — Какой простор, какая безмятежность...

— Озеро как озеро, глушь как глушь, — пробурчал Рома.

— А ты подумай, сколько веков назад люди заселили эти крошечные затерянные острова. Когда-то тут и жизни не было, а после поплыли по Онеге изящные ладьи, выросли на берегах рыбацкие деревеньки. Глядя на эти пейзажи, я мысленно отправляюсь в путешествие по прошлым эпохам.

— Да тут ничего и не изменилось с тех пор. Те же лодки, те же дома доисторические.

— Дурак ты, Ромка. Люди так хранят традиции и заветы, оставленные им прадедами...

— Верно-верно, дочка, — раздался внезапно старческий голос. — Человек, что не чтит обычаи предков, подобен дереву со сгнившими корнями. А мы здесь обычаи чтим.

Роман обернулся поглядеть на деревенского философа. Сморщенный дедок в соломенной шляпе с обтрёпанными краями сноровисто отвязывал от опоры пирса свою лодку. Его длинные пальцы ловко управлялись с верёвкой, распутывая узлы один за другим.

— А вы, молодые люди, хоть знаете что-нибудь об укладе нашем? О быте на Враном острове? Или же вы так, загораете да бездельничаете, а обычаями местными не интересуетесь?

— Да какие тут могут быть обычаи... Пять лачуг и коровья лепёшка на всеми забытом острове... — едва слышно проворчал Рома, и Вера сразу ткнула его локтем под рёбра.

— Мы, дедушка, только недавно приехали, — обрattилась она к старику. — Пару дней гуляли, любовались красотами. Да и всё, больше ничего не успели.

— А хотите, я вас в одно заповедное место свожу на лодке? На Соловый холм. Я частенько его приезжим показываю, кому интересно бывает.

— Соловый холм?

— Ага. Слыхали что-нибудь о наших, врановских, соломенных куклах, а?

Вера отрицательно покачала головой.

— То-то же! А я и показать могу их и рассказать подробно, почему у нас до сих пор принято делать соломенных кукол в человеческий рост.

— И почему же? — буркнул Рома.

— Это часть древнего обряда, связанного с похоронами.

— Звучит увлекательно! — загорелась Вера, поправляя очки. — Про такое мы ничего не слышали!

— Это плыть надо куда-то? — без энтузиазма спросил Рома.

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

— Дык у меня же лодка-моторка, сынок. Я вмиг вас туда и обратно домчу.

— Ром, ну давай! — Вера схватила мужа за локоть. — Вот тебе и культурный досуг — экскурсия с местным колоритом. Хоть узнаем что-то новое! Сам ведь жаловался, что заняться нечем!

— Нет уж, я не поплыву. Я после прошлого круиза едва оклемался и к новому пока не готов.

— Ну Рома!

— Меня укачает, говорю же тебе.

— Я тогда одна поеду!

— Ага, валяй. Смотри только, чтобы дед тебя не отвёз куда подальше и не притопил по-тихому. Мало ли он окажется местным психом...

— Рома!

— Эдакий ты шутник, сынок, — беззлобно усмехнулся дед. — Не бойся, верну твою жёнку в целости и сохранности. А если мне не веришь, спроси вон у кого угодно в деревне — добрый ли человек дедушка Афанасий. Уверен, ни одной души не найдёшь, что дурно обо мне отзовётся.

Вера предприняла ещё одну попытку уговорить супруга, но он окончательно решил остаться на земле, предпочтя твёрдую почву под ногами зыбкой надёжности старой лодки. Дед усадил девушку на скамью в носовую часть, завёл старый тарахтящий мотор и вскоре отчалил от пирса.

— А это место далеко от острова? — запоздало поинтересовалась Вера.

— Нет, дочка, — перекрикивая шум мотора, ответил дед Афанасий и придержал соломенную шляпу, которую чуть не снесло ветром. — Соловый холм раньше частью Враного был. А после вода в озере поднялась, затопила узкий перешеек. Ещё пару лет

можно было пешком по отмели дойти. А нынче без лодки туда не добраться.

Вера кивнула. Прикрыв рукой голову от солнца, она любовалась буроватыми водами Онежского озера, и то и дело улыбалась, когда ей на кожу попадали прохладные брызги, а лучики света плясали на её льняных волосах.

Лодка, высоко задрав нос, неслась по волнам, лихо подпрыгивая. Они оплыли Враный остров по широкой дуге, пока слева на берегу не показались руины старой часовенки. Здесь старик замедлил ход, повёл лодку аккуратнее. Из воды выглядывали песчаные и каменистые отмели, а вскоре Вера обратила внимание на округлый зелёный холм впереди. Этот крошечный остров, весь поросший соснами и берёзами, выглядел уединённым и необжитым местом — каплей растительности в океане безжизненных холодных вод.

— Вот он. Соловый холм.

Они пристали к берегу там, где кусты были реже. Лодку Афанасий с помощью Веры затащил на песок, деловито отряхнул руки и зашагал к центру острова, попутно рассказывая:

— Деревенька наша совсем небольшая, как ты наверняка заметила, дочка. До ближайшего заселённого острова неблизко. Так и живём мы тут тихонько, сами по себе. Как жили предки. Оттого многие обычаи наши до сих пор сохранились в неизменном виде и уходят корнями в глубокую глухую древность.

Они продрались сквозь густой кустарник, частокол деревьев немедленно расступился, и впереди показалась освещённая солнцем прогалина со скошенной травой. На ней тесно жались друг к другу низкие бревенчатые избы. Крыши многих поросли

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

мхом, из щелей срубов торчала пакля, а древесина потемнела. Дома имели нежилой вид, хотя в каждой избе виднелись целые стёкла и призывно были распахнуты резные ставни. А возле домов, под козырьками, в дверных проёмах и на крыльце стояли соломенные куклы в полный человеческий рост.

Вера в первое мгновение, как их увидела, даже впала в ступор. Куклы были сделаны с большой любовью: одеты, обуты и украшены мелкими аксессуарами, вроде головных уборов, лент и простеньких украшений. Кто-то держал в руках корзины, другие — вилы или лопаты. У женских кукол волосы были заплетены в хвосты и косы.

Только лиц ни у кого не было.

— Делать к похоронам соломенные куклы с покойников — древнейшая наша традиция, — вещал дед, подойдя ближе к домам. — Куклы обязаны походить на усопшего.

— И для чего это всё? — спросила Вера.

— Солома имеет смежную силу — и миру живых, и миру мёртвых одинаково она принадлежит. С её помощью душа покойного остаётся в кукле.

— А! И вы верите, что он как будто бы продолжает жить с вами, но в новом теле, да? — предположила Вера.

— Так и есть, дочка.

— А зачем здесь стоят эти домики?

Вера подошла к ближайшей избе и прижалась лицом к стеклу, поставив ладони козырьком. И сразу отшатнулась. По ту сторону окошка сидела безликая кукла в цветастом платке, повязанном вокруг головы, и, казалось, смотрела прямо на Веру через тонкую преграду стекла. На деле, конечно, она всего лишь была так усажена, но девушке почудилось, что

соломенная гладкая поверхность лица была обращена точно на неё.

А кроме куклы внутри было ещё много всякой утвари, мебели, даже половики, посуда и блестящий самовар на столе — как в настоящем обжитом доме.

— Как для покойника должен быть гроб, так и для куклы — дом.

Вера странно покосилась на Афанасия, и он, заметив этот взгляд, усмехнулся:

— И от непогоды укрытие. Чтобы солома не загнила, и куклы сохранились получше и подольше.

— А-а! Ну конечно же! Как я сама не догадалась? — просияла улыбкой Вера и продолжила изучать домики и их соломенных обитателей. Она приблизилась к крыльцу, где возле двери стояла высокая мужская кукла в старинном костюме и с ожерельем из баранок на шее. Вера уже протянула руку, чтобы потрогать хлебобулочные изделия и убедиться, что они ненастоящие, когда прямо из-за её плеча раздался хриплый голос деда:

— Не трогай кукол, дочка.

Вздвигнув от неожиданности, девушка отдернула руку и обернулась. Она даже не услышала, когда Афанасий успел к ней так незаметно подобраться. Его старческие выцветшие глаза влажно блестели из-под кустистых седых бровей.

— Покойника ты ведь трогать не стала бы, да? Вот и кукол не трогай. Как в музее, дочка. Смотри, да руками не трожь.

— Хорошо, — миролюбиво согласилась Вера. — Мне просто показалась эта кукла очень знакомой. Мы с мужем остановились в гостевом доме на краю деревни. Так вот наш хозяин носит точно такой же костюм. Один в один.

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

Вера махнула рукой в сторону куклы, одетой в чёрный вышитый жилет поверх полотняной рубашки, высокие сапоги и картуз с блестящим козырьком.

— Раньше многие так наряжались, — фыркнул Афанасий. — Идём дальше, дочка. Я покажу тебе самых стареньких наших кукол.

Он бодро зашагал вперёд, мимо невысоких изб и их соломенных обитателей, безмолвно наблюдавших за гостями. Вера послушно шла следом, озираясь, хотя ей было не по себе от пустых лиц, лишённых любых намёков на глаза, нос или уши. Она даже спросила деда, почему принято делать кукол именно такими — пугающе безликими.

— У нас бытует поверье, что в куклу без лица не может вселиться злой дух, — объяснил старик и, шагнув с тропки в кусты, продолжил оттуда: — А вот мы и пришли, дочка. Тут стоят самые старые наши избы и куклы. Многие, конечно, не такие аккуратные, как раньше, хоть мы и подновляем солому, следим как можем.

Вера нырнула в густые заросли травы, прошла за Афанасием и вскоре разглядела под сенью небольшой рощицы ветхие дома, которым явно была не одна сотня лет. Разросшаяся зелень укрывала их до самых крыш, срубы покосились, где-то брёвна разъехались, открыв широкие щели. Здесь явно бывали нечасто, всё выглядело совсем не так, как на той солнечной поляне.

Здесьние куклы смотрелись устрашающе. Тёмная прогнившая солома разлохматилась, руки и головы съехали на бок, где-то плечи оказались заботливо залатаны, но прежний опрятный вид было не вернуть.

Хотя Вера старалась идти след в след за стариком, но в какой-то момент слишком засмотрелась по

сторонам, зацепилась ногой за корягу в траве и рухнула прямо в заросли лебеды. Очки слетели и мгновенно затерялись в окружающей зелени. Ойкнув, Вера на четвереньках принялась их искать, пока не нащупала рукой в траве что-то твёрдое — башмачок.

В частоколе сочных стеблей лебеды прямо перед Верой стояла детская фигурка, сделанная из соломы. Она была совсем невысокой, и разросшаяся трава надёжно скрывала её от случайных взглядов. На кукле висело почти истлевшее голубое платье, соломенные волосы были заплетены в две косички, одна из которых сгнила и распалась. А ещё маленькая забытая всеми девочка крепко прижимала к груди деревянную лошадку.

Вера прищурилась, пытаясь чётче рассмотреть игрушку, ведь та как будто была ей знакома. Но увидела она кое-что совсем иное: ей показалось, что на руках девочки, где солома истрепалась сильнее всего, проглядывали желтоватые голые кости.

— Дочка, упала, что ли? — внезапно раздался у неё над ухом обеспокоенный голос Афанасия. — Дай помогу тебе подняться!

Он сноровисто подхватил девушку под локоть, ставя её на ноги и не давая полноценно разглядеть куклу. Вера сомневалась, показалось ей увиденное или всё же нет.

— Тут очки мои где-то...

— Да вот они лежат. — Дед наклонился за очками и отдал их девушке. — Ты смотри, как ты себе здорово колено-то рассадила. Кровь идёт.

Вера переключила всё внимание на разбитую коленку, которая в самом деле сильно кровила. Сразу из ниоткуда нахлынула боль, а мысли о кукле девочки с лошадкой отошли на задний план.

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

— Пойдём, дочка, в мой дом. Тут поблизости. А уж у меня найдётся, чем кровь остановить. Идём.

Афанасий с неожиданной для своего возраста силой взял Веру под локоть и повёл её мимо обветшалых тёмных домов в очередной бурелом. Вскоре показалась крошечная вытоптанная полянка, где стояла одинокая избушка, выглядевшая совсем не так, как остальные дома на острове. Это была обжитая изба со строительными инструментами, небрежно сваленными у крыльца, и стогами сена возле боковой стены, накрытыми брезентом от влаги.

— Вы тут живёте? — изумилась Вера, когда дед пригласил её в свой дом. Обстановка внутри оказалась довольно простой: минимум мебели и утвари, зато у окна стоял широкий стол, заваленный ошмётками сена, тряпками и лентами. Сено тут вообще было всюду: на полу, на продавленном топчане, в тюках и корзинах у печки.

— А что не так? — спросил Афанасий, пододвигая ближе к девушке колченогую табуретку.

— Я думала, вы живёте в деревне...

— Каждый день бываю там, дочка. Но тут у меня мастерская. Тружусь в уединении.

— Постойте... Так это вы всех этих кукол делаете? — осознала Вера.

Дедок усмехнулся, в уголках его глаз появились лучистые морщинки.

— А то! Меня потому все на Враном и кличут Афанасий Соломенный дедушка.

Старик занялся коленкой Веры. Смыл кровь, обработал какой-то вонючей травяной мазью и заботливо перебинтовал чистой полотняной тряпкой.

— Я кукол плету, сколько себя помню, дочка. Солома мне легко в руки ложится, потому и куклы